

А. И. Соболевский. Переводная литература
Московской Руси XIV-XVII вв. // Известия
Отделения русского языка и словесности
Императорской академии наук. Т. 74 №1.
СПб., 1903.

I.

Южно-славянское влияние на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ.

Если мы возьмемъ два ряда русскихъ рукописей, одинъ —
около половины XIV вѣка, другой — около половины XV вѣка,
и взглянемъ въ ихъ особенности и содержаніе, — намъ бросится
въ глаза значительная разница между ними во всѣхъ отноше-
ніяхъ.

Начнемъ съ письма. Рукописи половины XIV вѣка написаны
или уставомъ, или образовавшимся изъ него и съ нимъ тѣсно
связаннымъ старшимъ полууставомъ¹⁾). Рукописи половины XV
вѣка написаны почти исключительно младшимъ полууставомъ,
совершенно отличнымъ отъ полуустава старшаго и не находя-
щимся отъ него въ зависимости. Уставъ и старшій полууставъ
имѣютъ къ или замѣняюще его е, наклоненное къ началу строки²⁾).
Младшій полууставъ не знаетъ къ и пользуется его замѣнителемъ

1) Этотъ старшій, чисто русскій полууставъ мы имѣемъ въ Лаврентьев-
скомъ спискѣ лѣтописей 1377 г., въ Тактиковѣ 1397 г. (снимокъ у Срезнев-
ского, въ приложении къ «Древнимъ памятникамъ русского письма и языка»),
въ Пансіевомъ Сборникѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ не датированныхъ руко-
писей.

2) Смотри это въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописей и въ Тактиковѣ
1397 г.

с или прямымъ, или наклоненнымъ къ концу строки¹⁾). Уставъ и старшій полууставъ нерѣдко имѣютъ букву *у* посіѣ согласныхъ безъ *о* (т. е. въ видѣ *ү*) и совсѣмъ не знаютъ буквы ижицы. Младшій полууставъ постоянно пользуется буквою *у* съ *о* (т. е. *ѹ*) или такъ называемымъ *укомъ* (8) и имѣеть особую букву ижицу (*ѹ*), отличающуюся отъ второй части *ѹ* и формою, и величиною²⁾). Уставъ и старшій полууставъ обыкновенно имѣютъ букву *ы* въ видѣ *ы*. Въ младшемъ полууставѣ въ составѣ *ы* всегда входитъ *ь* (*ы*). Уставъ и старшій полууставъ употребляютъ букву *ө* очень рѣдко, почти исключительно въ ея цифровомъ значеніи, причемъ она имѣеть форму перечеркнутаго обыкновеннаго *о*. Младшій полууставъ пользуется *ө* сравнительно часто, и форма этой буквы въ немъ совсѣмъ иная³⁾). Уставъ и старшій полууставъ совсѣмъ не знаютъ буквы *ѧ* и имѣютъ лишь цифру въ формѣ *ѧ*⁴⁾). Младшій полууставъ болѣе или менѣе часто пользуется буквою *ѧ*, и его *ѧ* и въ буквенномъ, и въ цифровомъ значеніи имѣеть ту форму, какая ему придается въ нынѣшихъ нашихъ церковныхъ книгахъ⁵⁾). Даѣше, въ уставѣ и старшемъ полууставѣ форма остальныхъ, не названныхъ выше буквъ (особенно *ѧ*, *ѩ*, *ѩ*, *ѩ*, *ѩ*, *ѩ*, *ѩ*) болѣе или менѣе значительно отличается отъ формы тѣхъ же буквъ въ младшемъ полууставѣ.

Взглянемъ на начало и конецъ статей. Уставъ и старшій полууставъ не сопровождаются въ заглавіяхъ статей вязью, въ

1) Смотри у архіеп. *Савель* («Палеографические снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Моск. Синодальной Библ.») снимки съ рукописей 1436, 1488, 1452 и 1477 гг.; въ сборникѣ Археологического Института («Палеографические снимки съ русскихъ рукописей XII—XVII вѣковъ») снимки съ рукописей 1428, 1485, 1495 гг.

2) См. у *Савель* снимки съ рукописей 1436 и 1477 гг.; въ сборникѣ Археологического Института снимокъ съ рукописи 1495 г.

3) См. у *Савель* снимокъ съ рукописи 1436 г.; въ сборникѣ Археологического Института снимки съ рукописей 1428 и 1495 гг.

4) См. у *Савель* снимки съ рукописей 1857, 1868, 1869 гг.

5) См. у *Савель* снимки съ рукописей 1436, 1438, 1452 гг.; въ сборникѣ Археологического Института снимки съ рукописей 1428, 1466, 1485 гг.

концѣ статей воронкой; при младшемъ полууставѣ вязь и воронка¹⁾) — явленія вполнѣ обычныя.

Обратимся къ орнаменту. Уставъ и старшій полууставъ не рѣдко имѣютъ при себѣ заставки и большія буквы, исполненные въ такъ называемомъ чудовищномъ стилѣ киноварью или красками²⁾. Младшій полууставъ обыкновенно сопровождается геометрическимъ³⁾ или (рѣже) растительнымъ⁴⁾ орнаментомъ, въ которомъ, рядомъ съ киноварью и красками, являются золото и (рѣже) серебро.

Кинемъ бѣглый взглѣдъ на ореографію. Тексты, писанные уставомъ и старшимъ полууставомъ, отличаются простотою ореографіи и сравнительной близостью ея къ русскому произношению. Напротивъ того, въ текстахъ, писанныхъ младшимъ полууставомъ, мы встрѣчаемся и съ юсомъ большимъ, и съ а вмѣсто я (своа, добраа, спасеніа), и съ в вмѣсто з въ концѣ словъ (при з вмѣсто з или е въ срединѣ словъ), и съ написаніями въ родѣ вржъ, трзгъ (= верхъ, торгъ), а сверхъ того, находимъ, въ словахъ греческаго происхожденія, болѣе или менѣе правильное употребленіе ө, ү и двухъ и вмѣсто ии; аиегъ, а иногда б вмѣсто ң послѣ м, ә вмѣсто т послѣ н, согласно позднѣйшему греческому произношенію: Олимбъ, Андоній.

Разсмотримъ языкъ. Церковно-славянскій языкъ рукописей половины XIV вѣка богатъ обще-русскими и мѣстными русскими особенностями. Мы имѣемъ въ немъ болѣе или менѣе часто ж вмѣсто жд, ч вмѣсто ш, полногласіе; мы имѣемъ въ немъ новгородское ц вмѣсто ч и наоборотъ, галицко-волынское ю вмѣсто е.

1) Вязь см. у *Савоя* въ снимкахъ съ рукописей 1496, 1477, 1499 гг. Вмѣсто воронки въ концѣ статей встрѣчаются крестъ и кругъ.

2) См. у *Буслаева* («Материалы для истории писменъ») снимокъ съ рукописи 1355 г. и у *Савоя* снимки съ рукописей 1357 и 1358 гг.

3) Такъ мы называемъ орнаментъ изъ пересѣкающихся круговъ или фигуры сходныхъ съ кругами. Образцы см. у *Савоя* въ снимкѣ съ рукописью 1504 г. и въ сборникахъ Археологического Института въ снимкѣ съ рукописью 1516 г.

4) См. у *Буслаева* и *Савоя* снимки съ рукописи 1499 г.

въ извѣстныхъ случаяхъ и т. п. Напротивъ того, церковно-славянскій языкъ многихъ рукописей половины XV вѣка какъ-бы избѣгаешь русизмовъ (кромѣ главныхъ: *у* вмѣсто *ж* и т. п.), но зато не свободенъ отъ древнихъ и позднихъ болгаризовъ: *ъ* вмѣсто *я*, *я* вмѣсто *ю* и наоборотъ (а вмѣсто *ж* и наоборотъ), формъ въ родѣ *Василѣ* (им. ед.), *сыновомъ*, *сыновьтъхъ* (отъ *сынъ*), *трїехъ*, *пятихъ*, *десятыхъ* (отъ *три*, *пять*, *десять*), словъ *изѣту* (циѣту), *прѣзъ* (чрезъ), *егозъ* (его), *тогозъ* (того) и т. п.

Наконецъ, передъ нами самые тексты. И здѣсь разница между рукописями половины XIV вѣка и рукописями половины XV вѣка значительна. Евангелие половины XIV вѣка, апракосное, имѣть одну редакцію церковно-славянскаго перевода, а Евангелие половины XV вѣка, тетръ, — другую; то же можно сказать обѣ Апостолѣ и Псалтыри. Богослужебныя Минеи половины XIV вѣка по своему составу существенно отличаются отъ Минеи половины XV вѣка; то же, кажется, должно сказать о большей части остальныхъ сборниковъ богослужебныхъ гимновъ. Пѣснь пѣсней¹⁾, Слова Григорія Богослова, Лѣстница Иоанна Лѣстничника, Пандекты Пикона Черногорца, Вопросо-ответы псевдо-Аeanасія къ князю Антіоху, Житіе Антонія Великаго²⁾, Житіе Варлаама и Іоасата³⁾, Синайскій Патерикъ, апокрифическая повѣсть о пророкѣ Еремії⁴⁾, Слово Меодія Патарскаго и многія другія произведения въ спискахъ половины

1) Старшая редакція — съ толкованіемъ Филона Карпайскаго; младшая, исправленная, — безъ толкованія. Въ спискѣ Ундовальскаго № 1, XV в., находятся обѣ редакціи.

2) О церковно-славянскихъ текстахъ первыхъ трехъ произведеній см. у Горскою и Невоструева, «Описание рукописей Московской Синодальной Библіотеки», II, 2; а о текстахъ послѣднихъ двухъ — у Архангельского, «Творенія отцовъ церкви въ древне-русской писменности».

3) Старшая редакція — въ Макарьевскихъ Минеяхъ и въ рукописяхъ Софійск. № 69, XIV в., Публ. Библ. Погод. № 766, Румянц. Муз. Унд. № 241, Троицк. № 690, а отѣльная повѣсть въ Златой Цѣпи XIV вѣка и (въ сокращеніи) въ Прологѣ; младшая — въ рукописяхъ Троицк. № 687, 1444 г., и Публ. Б. Толст. I, № 256, XV вѣка.

4) Обѣ редакціи изданы Тихонравовымъ, «Памятники отреченній русск. литературы», I, одна на стр. 278, другая на стр. 284.

XIV вѣка съ одной стороны и половины XV вѣка (или позднѣе) съ другой — или представляютъ разныя церковно-славянскіе переводы, или имѣютъ болѣе или менѣе крупныя отличія въ текстѣ. Даѣше, рукописи половины XIV вѣка, не знаютъ цѣлаго ряда литературныхъ произведеній, почти исключительно переведенныхъ съ греческаго, которыя обычны въ рукописяхъ половины XV вѣка. Къ этимъ произведеніямъ принадлежать аскетическая сочиненія свв. Василія Великаго, Исаака Сирина, аввы Дорофея, Григорія Синанта, Симеона Нового Богослова и другихъ, polemicheskaya sochineniya protivъ latinskiy Griborija Palamy, Niila Kavasila, Nikity Styfata, Germanna, patriarcha konstantinopolskogo (а также Преніе Панагіота съ Азимитомъ), Толковое Евангеліе Феофилакта Болгарскаго, два Учителныя Евангелія: Ioanna Zlatoustago и патріарха Каллиста, Римскій Патерикъ¹⁾, три другіе Патерика (Азбучный²⁾, Іерусалимскій и одинъ изъ Скитскихъ³⁾), Стишной Прологъ, Житіе Григорія Омиритскаго, Маргаритъ Ioanna Zlatoustago, Тактиконъ Никона Черногорца, Діоністра ишока Филиппа, Похвала твари Богу Георгія Писидійца, Стеванитъ и Ихнілатъ, христіанізованныя Александрия⁴⁾.

Само собою разумѣется, между рукописями половины XIV вѣка и рукописями половины XV вѣка находится рядъ рукописей болѣе или менѣе смѣшанного характера. Уставъ и старшій полууставъ еще господствуютъ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ, но шѣкоторыя ихъ буквы могутъ имѣть ту форму, съ которой они являются въ младшемъ полууставѣ⁵⁾; или сопровож-

1) Старшіе южно-славянскіе списки: 1) пергаментный, Виленск. Публ. Bibl. № 8, XIV в., 2) Публ. Bibl. Q. I. 275, XIV в. Старшій русскій списокъ — Моск. Дух. Ак. № 27, XV в. Переводъ древній. Отрывки перевода этого Патерика были изъбѣгты въ Россіи до XIV в.

2) Переводъ Азбучнаго Патерика — древній. Срв. Востоковъ, «Описание Румыніи, Музейма», № 807.

3) Троицкой Лавры № 701, 1469 г., и № 704, XV в.

4) См. приложение I.

5) Напримеръ, а имѣть эту форму въ писанной уставомъ Кіевской Псалтыри 1397 г. (см. у Срезневской). Въ той же рукописи и въ видѣ и, изрѣдка въ концѣ словъ и я ви. ю.

дающій ихъ орнаментъ можетъ быть орнаментомъ младшаго полуустава; или въ ореографіи и языкѣ встречаются, то чаще, то реже, обычныя особенности младшаго полуустава¹). Наоборотъ, младшій полууставъ второй четверти XV вѣка нерѣдко имѣеть двѣ, три, нѣсколько буквъ въ той формѣ, которая вить свойственна въ старшемъ полууставѣ²). Наконецъ, старшіе списки нѣкоторыхъ изъ тѣхъ текстовъ, которые не были у насъ известными въ половинѣ XIV вѣка, списки, относящіеся къ концу XIV и началу XV вѣка, написаны уставомъ или старшимъ полууставомъ.

Если мы сопоставимъ наши рукописи половины XV вѣка съ южно-славянскими XIV—XV вѣковъ, то замѣтимъ между ними поразительное сходство. Нашъ младшій полууставъ въ разныхъ своихъ видахъ сходенъ съ южно-славянскимъ полууставомъ до мельчайшихъ особенностей. Орнаментъ, его сопровождающій,— тотъ самый, который является при южно-славянскомъ полууставѣ. Ореографія нашихъ рукописей половины XV вѣка представляетъ отраженіе ореографіи южно-славянскихъ (точнѣе: средне-болгарскихъ) рукописей, а особенности ихъ языка— отраженіе особенностей средне-болгарского языка. Наконецъ, наши тексты половины XV вѣка, тѣ, которые были неизвѣстны у насъ въ половинѣ XIV вѣка,— не что иное, какъ копіи южно-славянскихъ текстовъ XIV—XV вѣковъ.

Ясно, что между половиною XIV и половиною XV вѣковъ русская письменность подпала подъ очень сильное влияніе южно-славянской письменности и въ концѣ концовъ подчинилась этому влиянію. Это произошло благодаря усилившимся сношеніямъ Россіи съ Константинополемъ и Аѳономъ.

Какъ известно, русская литература получила начало отъ ли-

1) Напримеръ, въ Тактиконѣ 1397 г. Вязъ въ заглавіи является уже въ Стихирарѣ 1381 г., писанномъ едва ли не знаменитымъ Епифаніемъ Премудрымъ (см. у Соловѣвскаго).

2) Напримеръ, въ (цифра) находится въ писанной младшимъ полууставомъ рукописи 1498 г. (см. у Соловѣвскаго).

тературы южно-славянской (древне-болгарской) и первые ея памятники, за немногими исключениеми, — не больше какъ списки съ памятниковъ южно-славянскихъ. Но живыя сношения русскихъ съ южными славянами послѣ покоренія Болгаріи греками сначала ослабли, а потомъ почти прекратились¹⁾. Такимъ образомъ эти двѣ родственныя литературы начали жить независимо одна отъ другой. Тѣ переводы съ греческаго, которые были сдѣланы въ Россіи въ XI—XIII вѣкахъ, и оригиналльные сочиненія русскихъ писателей того же времени остались почти совсѣмъ неизвѣстны²⁾ южнымъ славянамъ; въ свою очередь то немногое, переводное и оригиналльное, что появилось у южныхъ славянъ въ XII—XIII вѣкахъ³⁾, не перешло совсѣмъ въ Россію. Словомъ, къ началу XIV вѣка съ одной стороны у русскихъ накопилось нѣкоторое количество литературныхъ произведеній, неизвѣстныхъ южнымъ славянамъ, съ другой — у этихъ послѣднихъ оказалось кое-что неизвѣстное русскимъ. Конецъ XIII вѣка и первая половина XIV в. были неблагопріятны для русской литературы. То, что въ ней было раньше (въ томъ числѣ тексты священнаго писанія и богослужебные), къ этому времени, благодаря частому переписыванію и отсутствію какого-нибудь наблюденія за исправностью переписки, въ рядѣ случаевъ болѣе или менѣе исказилось и начало представлять въ той или другой степени трудности для пониманія. Новые переводы греческихъ

1) Между русскими текстами XII—XIII вв. мы почти совсѣмъ не имѣемъ списковъ съ южно-славянскими оригиналами того же времени, съ сохраненіемъ особенностей средне-болгарской орографіи (мѣнны юсова и т. п.).

2) Исключеніе мало: кое-что изъ сочиненій Кирилла Туровского, найденное М. И. Соколовымъ въ сербскомъ Сборникѣ XIII в., Прологъ съ Житіемъ русскихъ святыхъ: Бориса и Глѣба, Мстислава (сына Мономахова), Феодосія Печерскаго, Ольги (старшій списокъ съ годомъ — Имп. Публ. Библ. 1839 г., болгарскій; другой съ годомъ — 1940, болгаро-сербскій, описанъ Ламанскимъ, «О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ»). Уваровскій списокъ № 70, сербскій, по Йостокову, относится къ XIII в.

3) Къ литературнымъ произведеніямъ, переведеннымъ у южныхъ славянъ въ это время, должно относить труды греческихъ писателей XI вѣка Феофилакта Болгарскаго (Толковое Евангеліе) и Филиппа иакона (Діоптра).

литературныхъ произведеній перестали появляться. Деятельность русскихъ писателей сократилась. Напротивъ того, для южно-славянской литературы конецъ XIII вѣка и почти весь XIV вѣкъ были временемъ большаго оживленія. Старые переводы съ греческаго одинъ за другимъ были подвергнуты пересмотру и исправленію, на основаніи сличенія съ оригиналами; между ними были тексты и священнаго писанія, и святоотеческихъ твореий, и житій святыхъ, и хронографовъ. Вмѣсть съ тѣмъ явился рядъ новыхъ переводовъ всевозможныхъ произведеній греческой литературы: и богослужебныхъ пѣснопѣній¹⁾, и сочиненій свѣт. отцовъ, и свѣтскихъ повѣстей. Наконецъ, появились кое-какіе, впрочемъ сравнительно очень немногіе оригинальные труды южно-славянскихъ авторовъ (почти исключительно житія). Наши свѣдѣнія о дѣятеляхъ южно-славянской литературы конца XIII вѣка и XIV вѣка совсѣмъ ничтожны. Мы можемъ называть лишь нѣсколько имёнъ²⁾. Но мы имѣемъ основанія догадываться, что главные изъ этихъ дѣятелей жили и трудились не въ южно-славянскихъ земляхъ, а въ Константинополѣ³⁾

1) Новый переводъ Тріоди и Октоиха существовалъ уже въ 1874 г. Срв. ст. Дрикова, въ «Отчетѣ о присужденіи Ломоносовск. преміи въ 1899 г.», стр. 29.

2) Евѳимій, патріархъ терновскій (переводчикъ и плодовитый авторъ), нашъ митрополитъ Кипріанъ (переводчикъ богослужебныхъ каноновъ и иконы; перевечъ ихъ — въ статьѣ архим. Амфилокія въ «Трудахъ» III-го Археологическаго Съѣзда, стр. 247); Феодосій, патріархъ терновскій (+ 1862), переведшій слова Григорія Синаита; Діонісій (XIII в.), переведшій Маргаритъ Златоустаго; Исаія, афонскій монахъ, переведшій ок. 1371 г. творенія Діонісія Ареопагита; Дионістръ Зографъ, переведшій въ 1885 г., будто бы въ Ростовѣ, «Покхалу твари Богу» Георгія Писидійца; Закхей, переведшій слова Исаака Сиріна; афонскій іеромонахъ Евѳимій, ученикъ Михаила Даскала, переведшій «Воспоминаніе» Петра Дамаскина; Антоній (или Андроній), переведшій Житіе Григорія Омицкаго; первопресвитеръ Осодоръ, переведшій рядъ каноновъ и молитвъ (патръ Филофея и др.); Гавріиль, протвъ Св. Горы, переведшій чинъ погребенія на сл. недѣлѣ («Строезъ», «Библіологич. Словарь», стр. 46). Сербскіе агиографы для насъ не представляютъ интереса.

3) Они могли жить, между прочимъ, въ Студійскомъ монастырѣ, въ которомъ жили Евѳимій и Кипріанъ и въ которомъ Кипріанъ въ 1887 г. сдѣлалъ списокъ Лѣстницы.

и на Аеонѣ¹⁾), которыхъ монастыри владѣли богатыми библиотеками и представляли всѣ удобства для литературной дѣятельности.

Около половины XIV вѣка Россія (по преимуществу съверо-восточная) начала болѣе дѣятельныя сношения съ Константинополемъ и Аеономъ, чѣмъ были прежде. Число русскихъ паломниковъ значительно увеличилось²⁾.

Скоро въ монастыряхъ Константинополя³⁾ завелась небольшая колонія русскихъ монаховъ. Однимъ изъ нихъ былъ преп. Асанасій Высоцкій, любимый ученикъ преп. Сергія, первый настоятель Высоцкаго монастыря подъ Серпуховомъ, ростовецъ родомъ, который, по свидѣтельству Епифанія (въ житіи преп. Сергія), былъ «въ божественныхъ писаніяхъ зѣло разуменъ» и любилъ книжное дѣло. Поселившись въ Константинополѣ въ 1383 году, «лко единъ отъ убогихъ», онъ повидимому занимался здѣсь лишь перепискою книгъ⁴⁾. Другимъ изъ нихъ былъ кир. Зиновій, который потомъ, съ 1432 по

1) Иль извѣстной замѣтки хиландарскаго монаха Григорія обѣ исправленіи имъ такъ наз. Паралипоменона Зонары видно, что даже простая переписка книгъ для Сербіи въ началѣ XV вѣка производилась монахами этого монастыря.

2) Слѣдствіемъ усиленія сношений московской Руси съ Греціей были между прочимъ сперва выходъ замужъ за сына Императора Мануила дочери великаго князя Василия Дмитревича Анны (въ 1414 г.), а потомъ женитьба Ивана III на Софіѣ Палеологѣ.

3) Въ монастыряхъ Студійскомъ (иначе Ioannina Предтечи) и сосѣднѣхъ съ нимъ Перивелѣ, а можетъ быть, и въ другихъ. Игнатій Смоульянинъ, бывший въ Константинополѣ въ 1889 г., уже упоминаетъ о русскихъ въ монастыряхъ Студійскомъ (Предточи): «и уокоиша вы добрѣ ту живущія русы» (по изданію Шалест. Общ., стр. 7). Но Стефанъ Новгородецъ, посѣтившій Константинополѣ около 1350 года и осматривавшій Студійскій монастырь, обѣ жительствѣ въ немъ русскихъ не говоритъ; то мѣсто «Путешествія», где говорится о встрѣчѣ его съ новгородцами Иваномъ Добрилою и которое находится въ изданіи Сахарова, но отсутствуетъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ, по нашему мнѣнію, — сочиненіе новѣйшаго времени.

4) Голубинскій, Преп. Сергій Радонежскій, стр. 99. Во времена Епифанія, въ Сергіевомъ монастырѣ были «добросписанія многа руки его». Вѣроятно, они сохранились и до нашихъ дней. Ихъ не трудно разыскать при помощи сличенія ихъ письма съ письмомъ собственноручной пріписки Асанасія въ Пандектахъ Никона Черногорца 1881 года Синод. Бібл. (Срезневскій, Древніе пам., стр. 245).

1443 г., быть игуменомъ Троицкой Лавры и много потрудился надъ увеличениемъ лаврской библиотеки. Русская колонія въ Константинополѣ завела дѣятельныя сношения съ колоніею южнославянской (болгарской). Интересуясь книжнымъ дѣломъ, она съ одной стороны добывала отъ южныхъ славянъ пхъ книги, изготавляла съ нихъ списки, отправляла ихъ на родину, съ другой— доставляла южнымъ славянамъ неизвѣстные имъ русские тексты¹⁾ и хлопотала объ свѣркѣ послѣднихъ съ греческими оригиналами. Сверхъ того, нѣкоторые члены русской колоніи, болѣе или менѣе знакомые съ греческимъ языкомъ, сами предпринимали исправленіе своихъ текстовъ. Одному изъ нихъ принадлежитъ исправленный по греческому оригиналу текстъ Евангелія, дошедшій въ константинопольскомъ спискѣ 1383 года²⁾. Другому— также исправленный (и сильно исправленный) текстъ всего Нового Завѣта, сохранившійся въ томъ чудовскомъ спискѣ половины XIV вѣка, который обыкновенно считается принадлежащимъ перу св. митрополита Алексія и который написанъ также повидимому въ Константинополь³⁾.

1) Русскіе Константиноپоля имѣли, напримѣръ, у себя неизвѣстные южные славянамъ Пандекты Никона Черногорца въ Исторію Іосифа Флавія. Русскій текстъ Пандектъ былъ дважды исправленъ и дополненъ южными славянами, въ первый разъ слегка. Списокъ Пандектъ съ текстомъ первого исправленія, русскій съ средне-болгаризмами, относится къ 1381 г. (Синод. № 193) и сдѣланъ въ Высоцкомъ монастырѣ подъ Серпуховомъ, по благословенію игумена его преп. Афанасія Высоцкаго. Объ этомъ спискѣ см. у Горскаго и Неструева, II, 8, № 218. Русскій текстъ Исторіи Іосифа Флавія былъ переписываемъ у южныхъ славянъ, и мы знаемъ сдѣланый съ него сербскій списокъ 1585 г. (изъ Леонѣя, Дмитрия, Петровича, Обзоръ афонскихъ древностей, 57). Сверхъ того, у русскихъ Константинополѣ были 16 словъ Григорія Богослова съ толкованіями Никиты Ираклійскаго (правки окончаніе одного изъ словъ въ спискѣ XV в., у Тихонравова, «Лѣтописи», т. IV, смѣсь, стр. 99). Русскій текстъ Слово Григорія и толкованій Никиты также былъ исправленъ южными славянами и въ исправленномъ видѣ извѣстенъ и въ южно-славянскихъ, и въ русскихъ спискахъ XV и XVI вѣковъ. Андрей Поповъ, «Библіографическіе Матеріалы», II—VII, стр. 265 сл.; Н. К. Никольский, «О литерат. трудахъ митрополита Клиmentа», стр. 15.

2) Списокъ книгъ, написанныхъ русскими въ Константинополь, и копій съ нихъ см. въ приложениі II.

3) О немъ см. приложеніе III.

Въролтио, одновременно съ поселенiemъ русскихъ монаховъ въ Константинополь усилилась русская монашеская колонія на Аеонѣ¹⁾). Но аносская колонія не оставила замѣтныхъ слѣдовъ своей дѣятельности на литературномъ поприщѣ. Нами можетъ быть названъ лишь одинъ членъ этой колоніи — іеромонахъ Афанасій Русинъ, покупавшій и списывавшій на Аеонѣ книги въ 1430—1432 годахъ. Другіе русскіе, вывезшіе съ Анона какіе-нибудь тексты, были, по всей вѣроятности, не болѣе какъ паломниками²⁾). Русскіе Анона также завели сношенія съ южными славянами (того же Анона), но не со всѣми, а лишь съ однimi болгарами; вслѣдствіе этого одна часть переводовъ и оригинальныхъ сочиненій, бывшихъ у сербовъ Анона въ XIV и началѣ XV вѣковъ, русскимъ осталась совсѣмъ или почти совсѣмъ неизвѣстна³⁾; съ другою мы познакомились черезъ посредство болгаръ⁴⁾). Отсюда понятно, почему русскіе списки, сдѣланные прямо съ сербскихъ оригиналовъ и потому болѣе или менѣе изобилующіе сербизмами, — такъ рѣдки⁵⁾.

1) Русскіе монахи были здѣсь и до XIV вѣка.

2) См. приложение IV.

3) Таковы: переводъ Церковнаго Устава Іерусалимскаго старшей редакціи (о которой см. у Мансетова, «Типикъ», стр. 271), дошедшій до насъ въ хиандарскомъ спискѣ 1381 г. (описанномъ въ *Starine*, V) и другихъ сербскихъ XIV вѣка (Публ. Библ., Новый Іерусал.); переводъ Синтагмы Матея Власта, дошедшій до насъ въ рядѣ сербскихъ списковъ XIV—XV вѣковъ (о нихъ см. у Флоринской, «Памятники законодательной дѣятельности Душана», стр. 307); переводъ толкованія Олимпіадора на книгу Іова, схѣматичный хиандарский монахомъ Гаприлою въ 1412 г. (Синод. Библ.); большая часть житій сербскихъ государей.

4) Такъ, исправленіе перевода или, пожалуй, новый переводъ Лѣствицы сдѣланъ хиандарскими монахами около 1370 года. Но мы получили исправленный текстъ отъ болгаръ. Старший списокъ этого текста, изъ южно-славянскихъ, до насъ дошедій, рукъ митрополита Кипріана, — 1387 г. (*Лѣствій и Невоструевъ*, II, 2, стр. 216—217). Нѣсколько житій сербскихъ государей перешло къ намъ также透过 посредство болгаръ: старшіе наши списки иль несвободны отъ болгаризмовъ; см., напримѣръ, списокъ житія деспота Стефана Лазаревича Тр. Л. № 686, XV в., изданный *Андреемъ Поповичемъ* («Изборникъ», стр. 92).

5) Сербскія рукописи, привезенные въ Россію, очень затруднили нашихъ

Сверхъ того, въ самой Россії появились южно-славянскіе выходцы. Мы знаемъ изъ нихъ троихъ. Одинъ — митрополитъ Кипріанъ, полу-грекъ, полу-болгаринъ, жившій до пріѣзда въ Россію въ монастыряхъ Константиноополя и Аоона¹⁾, любившій книжное дѣло, занимавшійся и переводами съ греческаго, и (будучи уже митрополитомъ) переписываніемъ книгъ, и прославившійся (въ Россіи) какъ авторъ. Другой — его родственникъ, митрополитъ Григорій Цамвлакъ, болгаринъ, жившій до пріѣзда въ Россію и на Аоонѣ, и въ Сербіи, и въ Молдавіи, большой любитель книжнаго дѣла, оставившій по себѣ память рядомъ литературныхъ трудовъ. Третій — «еромонахъ Святой Горы» Пахомій Логосеть, сербъ, сначала простой писецъ въ пріютившей его Троицкой Лаврѣ, потомъ одна изъ литературныхъ знаменитостей сѣверо-восточной Руси половины XV вѣка.

Но объ ихъ дѣятельности по перенесенію южно-славянскихъ текстовъ на Русь мы знаемъ очень мало. Мы можемъ сказать съ увѣренностью, что они явились въ Россію не съ пустыми руками²⁾, но не имѣемъ права приписывать принесеннымъ ими южно-славянскимъ текстамъ сколько-нибудь большое значеніе. Кажется, эти выходцы сдѣлали для Россіи лишь одно: они своею властію или вліяніемъ много поспособствовали замѣнѣ у насъ болѣе или менѣе неисправныхъ богослужебныхъ книгъ, бывшихъ до нихъ въ общемъ употребленіи, — исправными, только что перенесенными въ Россію отъ южныхъ славянъ. Во всякомъ случаѣ, современники охотно дѣлали списки съ привадлежавшихъ Кипріану богослужебныхъ текстовъ и хвалили его за его заботы объ «исправленіи книжномъ»³⁾.

переписчиковъ. См. объ этомъ интересное послѣдователіе въ спискѣ Словъ Григорія Богослова 1479 г. (Публ. Б. Погод. № 989), сдѣланномъ съ сербскаго оригинала. Послѣдній былъ вынесенъ «изъ сербской земли» икономъ Кассіаномъ Румянцевымъ въ первой половинѣ XV вѣка.

1) Мы считаемъ вполнѣ вѣроятнымъ, что афонскій монахъ Кипріанъ, къ которому адресовалось посланіе Евсевія Терновскаго, — нашъ Кипріанъ.

2) До насъ дошла Лѣстница Кипріана, написанная имъ самимъ въ Студійскомъ монастырѣ въ 1387 г., до окончательного переселенія въ Россію.

3) Запись рукописи Успенскаго собора № 7, 1403 г.: «Въ лѣто 6000-нє 911,

Въ 1453 году турки овладѣли Константинопольемъ. Русская колонія этого города была невольною свидѣтельницею ихъ торжества, и двое изъ ея уцѣлѣвшихъ членовъ, возвратясь на родину, составили трогательная повѣстование объ горестномъ событии¹⁾. Понятно, послѣ него русскимъ не зачѣмъ было приѣзжать на жительство въ Константинополь; да и Аeonъ, къ которому нужно былоѣхать черезъ подвластный иновѣрнымъ Константинополь, не могъ привлекать ихъ къ себѣ столько, сколько прежде. Поэтому установившися было дѣятельная литературная сношенія русскихъ съ южными славянами во второй половинѣ XV вѣка почти совсѣмъ прекратились²⁾.

Значеніе южно-славянскаго вліянія на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ очень важно. Благодаря ему, русская письменность обновилась во всѣхъ отношеніяхъ. Конечно, замѣна однихъ начертаній буквъ другими и одной орографіи другою не имѣетъ цѣнности; но этого уже никакъ нельзя сказать объ замѣнѣ неисправныхъ текстовъ богослужебныхъ и другихъ книгъ исправными и объ перенесеніи въ Россію значительного количества неизвестныхъ въ ней рапѣ почти исключительно переводныхъ сочиненій. Необходимо признать, что по окончанії³⁾

индикта 11, а солнечного круга 7, при благовѣрномъ и христолюбивѣмъ великомъ князіи Василии Дмитриевичи всея Руси, 16 яѣта княженія его, при святѣйшемъ и пресвященнѣмъ Кипріанѣ митрополитѣ киевскомъ и всея Руси, его благословеніемъ и повелѣніемъ, написана бысть книга сія, егоже благословеніемъ земля русская миръ глубокый приемлетъ, церкви же божиа пра-вославіа одѣжено смысъ истинною одѣлася, и исправленіемъ книжныи и ученіемъ его свѣтѣйшется паче солнечныхъ зарей и напаеется яко отъ источника приснотекуща.

1) Первое находится въ обще-извѣстной повѣсти о Царьградѣ и въ одномъ изъ списковъ приписывается яко-бы турецкому солдату Нестору Искендеру (фактическихъ данныхъ повѣсти показываютъ, что авторъ во время осады Царьграда находился въ Царьградѣ); второе въ Толстовскомъ Хронографѣ (издано Альдерсемъ Поповымъ въ «Изборникѣ»).

2) О русскихъ въ Константинополѣ послѣ его паденія см. у Малинина, «Старецъ Елеазаровъ монастыря Филовѣй», стр. 232.

3) Кое-что было къ намъ приносимо отъ южныхъ славянъ и въ XVI вѣкѣ (даже списки съ сербскихъ и молдавскихъ хрисовуловъ XV и начала XVI вѣковъ; см. Іосиф. № 154, 1563 г.); такъ, списокъ Житія Саввы Серб-

южно-славянского влияния русская литература оказалась увеличившееся почти вдвое и что вновь полученные ею литературные богатства, отличаясь разнообразиемъ, удовлетворяли всевозможнымъ потребностямъ и вкусамъ и давали обильный материалъ русскимъ авторамъ. Едва ли можно сомнѣваться, что безъ этихъ богатствъ мы не имѣли бы ни сочиненій Нила Сорского, ни своего Хронографа, первого русского труда по всеобщей истории¹⁾, ни Азбуковника съ его статьями по грамматикѣ и орографіи²⁾.

скаго былъ принесенъ въ Москву въ 1517 г. (*Строегъ, Библіологический Словарь*, 99); списокъ Синтагмы Властаря былъ доставленъ изъ Молдавіи въ Москву при Иванѣ Грозномъ, въ 1566 г.

1) См. приложение V.

2) См. приложение VI.